

Государственный Комитет РФ по высшему образованию
Московский физико-технический институт
Межвузовский центр гуманитарного образования «Петр Великий»
Российская Академия Наук
Отделение истории
Институт российской истории

СОСЛОВИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ. XV — СЕРЕДИНА XIX ВВ.

Международная конференция —
Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина

Тезисы докладов.

Москва, 13-16 июня 1994 г.

Часть I

Москва • 1994

Редакция

Н.А.Горская, чл.-кор. РАН **Н.В.Карлов** (отв. ред.), акад. РАО
В.Г.Кирилов, **В.Д.Назаров** (зам. отв. ред.), чл.-кор. РАН **А.Н.Сахаров**,
акад. РАН **В.Л.Янин** (отв. ред.), **Е.Ю.Люткина** (секретарь изд.),
Е.Л.Назарова (секретарь изд.).

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Государственного комитета РФ по высшему образованию,
Администрации Московской области
и Администрации г.Долгопрудного

О сословной структуре населения Вятской земли до конца XV в. (К постановке проблемы)

Источников, характеризующих сословную структуру Вятской земли периода независимости, крайне мало. В отечественной историографии данная проблема по существу не рассматривалась. Кажется, самая первая попытка осветить этот вопрос была предпринята одним из вятских протоиереев, написавшим еще в начале XIX в. рукописную «Историю Вятки». Автор в ней рассматривает систему управления и сословную структуру Вятской земли всецело на примере Новгорода Великого, называя в числе руководителей Вятки посадники и тысяцких. Далее упоминаются: «вятские бояре, кои также избранием производились в сие достоинство. Под сими были житные люди, из коих обыкновенно выбирались в бояре: они были самые зажиточные. А последние были черные люди, в числе коих находились все художники, ремесленники и работные люди». Цитируя этот отрывок, вятский историк А.С.Верещагин называет его безусловным домыслом, призванным оживить рассказ составителя «Повесть о стране Вятской» о самовласти вятчан¹. Замечание в целом справедливое, хотя надо отдать должное смелости протоиерея, высказавшего (может быть, и случайно), весьма любопытную догадку по поводу выборности бояр.

Первым и до сих пор практически единственным письменным источником, проливающим свет на сословную структуру населения Вятской земли в домосковский период, являются грамоты митрополитов Ионы и Геронтия второй половины XV в., изданные в 1841 г. Археографической комиссией², но ставшие более доступными вятским историкам после публикации их в Вятке в 1881³ и 1906 гг.⁴ Одна из первых грамот, написанная Ионой на Вятку около 1452 г., имеет такую формулу: «От Ионы, митрополита Киевского и всея Руси, на Вятку и в всю Вятську землю, воеводам земьским Якову Пугвину и Оникею и Юрию Алексеевым Мышкина, всем ватаманом, и подвойским, и бояром, и купцем, и житым людем, и всему нарицающемуся именем християнству тамошняа земля...»⁵. Другая грамота, написанная около 1459 г., такой начальной формулы не содержит, однако, в тексте имеет обращение: «... сынове мои, бояре и воеводы и ватаманы и вси православные християне тоа земли...»⁶. Начало послания Ионы вятскому духовенству (ок. 1452 г.) звучит так: «От

Ионы, митрополита Киевского и всея Руси, на Вятку и в вся Вятцкые города, и в волости, и в погосты, и в села, и в вся Вятцкая места, игуменом и попом и дьяконом, и черноризьцем, и асему нарицающемуся тамошнему священству»⁷. Аналогичные формулы содержат и более поздние (1486-1489 гг.) послания митрополита Геронтия⁸.

Вятские историки, как правило, упоминали в своих сочинениях перечисленные в митрополичьих грамотах сословия, однако, за пределы весьма поверхностных и обычно ничем не аргументированных предположений не выходили. Так, А.А.Спицын пишет, что «на Вятке отмечаются: бояре, купцы и житьи люди»⁹. В другой своей работе он, говоря о боярах, выдвигает предположение о том, что грамота Ионы «имеет в виду бежавших сюда двинских бояр, которые, может быть, и здесь играли значительную роль, пока вместе с другими «большими людьми» не были выведены из Хлынова в другие города»¹⁰. А.С.Верещагин от каких-либо комментариев по поводу упомянутых Ионой сословий воздерживается¹¹. П.Н.Луппов упоминает бояр, купцов, духовенство, живых людей и задается вопросом: «Не ясно, какие бояре упоминаются: князя галицкого или князя московского»¹². А.В.Эммаусский перечисляет те же категории вятчан, при этом называет бояр, живых людей, духовенство феодалами-землеладельцами, относит к господствующему классу купцов, а в число эксплуатируемых масс включает крестьян, ремесленников, «еще не выделившихся из общей крестьянской среды», а также рабов из числа пленных, частью продававшихся на южных невольничьих рынках, а частью превращавшихся в холопов. Историк полагал, что «бояре и купцы выбирали из своей среды вятских правителей, не прибегая к помощи веча»¹³. В более поздних работах А.В.Эммаусский придерживается в целом вышеизложенной точки зрения, лишь уточняя отдельные ее положения. В частности, к числу зависимых от бояр и живых он относит и кабальных людей, попавших под власть феодалов за долги. Кроме того, автор отмечает, что «воеводы обычно избирались из наиболее знатных и богатых бояр, ватаманы и подвойские — из числа живых людей»¹⁴. Иногда формулировки историка грешат неточностями: «Вятские феодалы (бояре, житьи люди, ватаманы)...»¹⁵.

Столичные историки к проблемам прошлого Вятской земли обращались нечасто и, как правило, в контексте общероссийской истории. Так, А.А.Зимин отмечал специфичность государственного строя Вятской земли: «На Вятке были свои бояре, «житьи люди» и купцы, но влияние боярства здесь сказывалось несравненно меньше, чем в

Новгороде»¹⁸. Ю.А.Кизилов использовал материалы митрополичьих грамот весьма своеобразно: вначале он их игнорирует, предлагая свою схему сословий. («Ко времени «остаточного взятия» вятских городков «слобжане городские и сельские люди и посажане» разделялись на лучших, средних и молодых. Лучшие люди держали в своих руках всю хозяйственную и политическую жизнь слобод, городков и волостей. Среди них к половине XV в. успела выделиться узкая прослойка больших людей, стоявших по своему политическому значению близко к арским (каринским) князьям»¹⁷), а затем искусственно соединяет с великокняжескими грамотами середины XVI в. («Послания на Вятку предупредительно адресовались «на Вятку, в Хлынов, и в Слободу, и в Карино, и в Котельнич, и на посады, и в станы, и в волости»¹⁸ «воеводам земским и всем ватаманом, и подвойским, и бояром, и купцом... и всему вятскому людству»¹⁹). Отметим, что в обоих приведенных выше случаях мнение Ю.А.Кизилова основано на концепции чрезвычайной замедленности формирования феодальных институтов на землях Русского Севера и, в частности, на Вятке («В политико-административном плане Вятский край состоял из небольших городков, слобод и волостей и к XVI в. еще не имел единого административного центра» — и вновь ошибочная апелляция к великокняжеским грамотам середины XVI в.²⁰). Предложенную историческую схему сословной структуры можно считать, на мой взгляд, излишней, так как таковая имеется в митрополичьих грамотах. Что касается арских князей, (попавших на Среднюю Вятку не ранее начала XV в.), родовитость которых, хотя и туземная, была бесспорно выше, чем таковая у русской верхушки Вятской земли, то они, в конечном итоге, все же подчинялись высшей законодательной (вече) и исполнительной (земские воеводы) власти Вятской земли²¹. Относительно второго тезиса Ю.А.Кизилова следует сказать, что до ликвидации независимости в 1489 г. Вятская республика, несмотря на имевшую место известную самостоятельность отдельных ее волостей, все же представляла собой цельный государственный организм с определяющей ролью Хлынова. Лишь после «развода» Вятки (1489 г.) на ее территории московские власти создали 4 самостоятельных наместничества в Хлынове, Слободском, Орлове и Котельниче²². Расчленением некогда единой территории Москва стремилась ослабить местные сепаратистские силы. Однако и в этих условиях старшинство Хлынова сохранилось²³. И совсем неспроста после отмены системы кормлений в 1558 г. все вятские земли вновь соединили в единый Хлынов-

ский уезд²⁴. (Впрочем, на сложение точки зрения Ю.А.Кизилова могло оказать утверждение Н.Е.Носова о разобщенности вятских городов, однако, оно касалось только периода после 1489 г. и до создания единого уезда²⁵).

Поскольку сословная структура населения Вятской земли отражена лишь в митрополичьих грамотах, встает вопрос о достоверности их содержания. В местной историографии мнения разделились: полное доверие источнику оказали А.С.Верещагин²⁶ и П.Н.Луппов²⁷, подозревал Иону в излишней эмоциональной риторике А.А.Спицын²⁸, в «сгущении красок до невозможного...» исключительно с политической целью, вероятно, не без инициативы великого князя», чтобы «запугать... вятчан» обвиняет Иону Д.К.Зеленин²⁹. Точки зрения общероссийских историков также не отличаются единством. Е.Е.Голубинский, признавая, что одна из двух грамот написана не столько по церковному, сколько по политическому поводу, тем не менее доверяет их содержанию³⁰. А.А.Зимин не без оснований считает Иону самозванцем на митрополичьем престоле, изменявшим в период феодальной войны Василию II в пользу Дмитрия Шемяки, а затем вынужденным верой и правдой отрабатывать доверие великого князя³¹, в частности, посылкой грамот с тяжелыми обвинениями и угрозами бывшим соратникам Шемяки. Мне представляется, что истина где-то посередине: вне всякого сомнения, военные преступления, в которых обвиняются вятчане, совершались обеими сторонами, другое дело, что о подобных деяниях с великокняжеской стороны сведений не сохранилось, возможно, их попросту уничтожили московские летописцы. Относительно религиозных прегрешений вятчан грамоты во многом, вероятно, достоверны, ибо одна из них, на что обратили внимание А.С.Верещагин и Е.Е.Голубинский, была написана после первого покорения Вятки в 1459 г.³² Что касается грамот Геронтия, во многом схожих (вплоть до копирования), с посланиями Ионы, то их появление показывает практическое сохранение традиционных политики и идеологии на Вятке и после 1459 г. Во всяком случае, достоверность начальной формулы в грамотах с обозначением сословной структуры населения Вятской земли сомнений не вызывает.

Перечисленные в грамоте Ионы первые три сословия (бояре, купцы, житьи люди) принадлежали к привилегированной части вятского населения, противостоящей четвертой, наиболее многочисленной, части вятчан, которая обычно называется в источниках

«черными» или «меньшими» людьми, «чернью», «людством».

Остается неясным происхождение боярства как для Вятки, так и в целом для Руси. Одни выводят его исключительно из племенной полиэтнической верхушки родового строя³³. Другие считают бояр продуктом «ассимиляции туземной знати с оседавшей там пришлой княжеской дружиной»³⁴. Третьи допускают вероятность попадания в ряды уже сложившегося боярства выходцев из нерусской по происхождению племенной верхушки³⁵. Четвертые уверены в том, что, «не являясь прямыми потомками родо-племенной знати, новгородские бояре унаследовали от нее функции общественных лидеров»³⁶ и что они являются выходцами из верхнего слоя дружинников, чем раскрывается их служилый характер³⁷.

Слова вятского архиерея начала XIX в. о выборности бояр из «житых людей» пока не нашли подтверждения, во всяком случае о подобном явлении не известно ни в Новгороде, ни тем более в Пскове³⁸. Приведенные выше версии о происхождении боярства не вполне согласуются с ситуацией на Вятке, поскольку данная территория стала заселяться русскими относительно поздно — с конца XII в. К этому времени боярство на Руси являлось уже вполне сложившейся группой феодального класса, осознавшей свою родовитость и, по-видимому, не допускавшей в свою среду выходцев из других социальных слоев³⁹. В этой связи пристальное внимание вызывает точка зрения о замещении старой родовой аристократии новыми лидерами территориальной (не племенной) общины, возвысившимися благодаря личным достоинствам⁴⁰, а также мнение о реальной причастности бояр к верхушке княжеской дружины⁴¹.

Исходя из вышеупомянутых концепций, можно наметить возможные истоки происхождения вятского боярства. Сразу оговорюсь, что мнения историков, изложенные выше, об исключительно невятском происхождении боярства (двинском по А.А.Спицыну или галицко-московском по Г.Н.Луппову) сложились, вероятно, из анализа ими внешнеполитической обстановки на Северо-Востоке Руси в XV в. и по существу не учитывают внутреннего состояния Вятской земли на протяжении всей ее истории. На мой взгляд, боярство на Вятке сформировалось из представителей руководства Никулицына и Котельнича, участвовавших в известных по «Повести о стране Вятской» переговорах по объединению волостей в единую Вятскую землю⁴². О достоверности большинства сведений данного памятника местной исторической мысли мне уже приходилось писать⁴³. «Повесть» харак-

теризует первых поселенцев на Вятке как захватчиков, изгнавших местных жителей из их укрепленных городков и основавших свои города и крепости. Об этом же сообщают и удмуртские легенды. Археологические материалы в определенной степени подтверждают данные события (дорусские финно-угорские древности, следы пожара, находки русского оружия). Особенно значительный комплекс вооружения, а вместе с ним и следы ремесленного производства, были обнаружены на Никульчинском городище⁴⁴. Безусловно, первые городские поселения на Средней Вятке имели военно-ремесленный характер. Возглавляли эти русские отряды опытные военачальники, статус которых нам не известен. Это можно было бы выяснить, узнав в чьих интересах предпринимались боевые действия. Если они санкционировались княжеской властью с целью закрепления новой даннической территории — бесспорно дружинное происхождение отрядов, а значит, и возможное появление боярства извне. Если же данные события произошли до некоторой степени стихийно и были вызваны усиливающейся феодализацией и христианизацией Руси, то в данном случае как будто проглядывается роль общинного веча и его руководства в лице сотских или, что более вероятно, земских воевод и, по-видимому, представителей духовенства. Вслед за закрепившимся на Вятке авангардом сюда потянулись крестьяне, а после нашествия монголо-татар эта миграция усилилась. Проживание древнеудмуртского населения на осваиваемых русскими землях довольно быстро привело к установлению мирных взаимоотношений этносов, а затем и тесных контактов, что способствовало слиянию русской общинной старшины с местной племенной знатью и формированию вятского боярства. Думается, что именно второй путь решения проблемы более логичен, к тому же вечевые традиции на Вятской земле оказались чрезвычайно живучи и неплохо просматриваются в письменных источниках⁴⁵. О процессе сложения этнически разнородного боярства в целом на русских землях Севера пишет Ю.А. Кизилов⁴⁶, то же самое происходило, очевидно, и на Вятской земле⁴⁷.

Вятское боярство обладало, по-видимому, достаточно крупными земельными угодьями. Так, А.А. Спицын перечисляет «несколько пожень и деревень, оставшихся пустыми от сведенцев после 1489 г., именно: 1) «Княжья и тиунова» пожня рядом с Тороповскою у Плотской верховицы...; 2) земля близ Хлынова... под названием пустоши Семена Прошлецова...; 3) три деревни в Спенцынском стану», которые были переданы на корм хлыновским наместникам⁴⁸. По опубли-

кованным документам известно также, что кхлыновскому наместнику перешла деревня Васильевская Юрчакова в Сленцынском стане (не исключено, что одна из трех, упомянутых выше), а каринскому князю Девлечьяру Магмедь Казыеву — «в Чепетском стану ловля Ивановская Оникиева да деревня Васильевская Юрчакова, и те де их деревни запустели»⁴⁹. Работы по выявлению боярских владений на Вятке еще впереди, но, во всяком случае, характерное название деревень «Боярщина», «Боярский» бесспорно свидетельствуют в пользу статуса их владельцев⁵⁰. О конкретных вятских боярских фамилиях нам известно, кроме того, из летописной статьи 1489 г. (Аникиев-Оникиев, Богодайщикла, Лазарев, Глазатый)⁵¹, Разрядных записей конца XV в. (Пугвин, Алексеев, Попов, Сафонов, Бобровников, Якушкин, Татаринов)⁵², грамоты Ивана IV от 4 июня 1549 г. в Дмитров (Оникеевы, городовые приказчики)⁵³. Кроме того, в дозорной книге Боровска 1613-1614 гг., переписной Кременска 1646 г., списке боровских новиков 1628 г., межевой грамоте Ивана III на гг. Дмитров и Кашин (ок. 1504 г.) и, наконец, Списках населенных мест Калужской и Московской губерний можно, вслед за А.С. Верещагиным, выделить вятских выходцев, причем не только русских, но и вятских и арских удмуртов, босермян и каринских татар⁵⁴. Отметим, что среди этих фамилий были, вероятно, не только бояре, но и представители других имущих сословий, однако уточнить данное предположение вряд ли удастся.

И все же говорить о господстве крупного боярского землевладения, такого как в Новгороде, не приходится. Подобно Пскову⁵⁵, можно предполагать возможное преобладание на Вятке средней и мелкой вотчины.

Второй по значимости реальной силой Вятской земли было купечество, что сближает Вятку с Псковом. Несмотря на полное отсутствие упоминаний купцов в других письменных источниках, можно говорить о владении ими не только городскими усадьбами, но и, возможно, землями в сельской округе, что ставило их на сословной лестнице выше житых людей. Очевидно, из их числа могли избираться ватаманы и подвойские. Несмотря на значительную удаленность и, в известной степени, изолированность Вятской земли, связи ее с другими территориями были весьма обширны. Археологические находки позволяют очертить, в частности, ареал торговых связей в XIII-XV вв. с древнерусскими землями (Новгород, Владимиро-Суздальское, Тверское, Киевское, позднее Московское и другие княжества), Камско-Волжским регионом, Северным Причерноморьем, Прибалтикой.

Влияние житейных людей на судьбы Вятки, судя по их мету в формуле митрополичьих грамот, было менее значительным. Как и в Пскове, житейные не имели больших земельных владений и были, вероятно, ограничены размерами своих городских усадеб. По-видимому, из их среды также формировались кадры местной администрации различного ранга.

Особую категорию составляли лица духовного звания («... игуменом и попом и дьяконом, и черноризцем, и всему нарицающемуся тамошнему священству»), представлявшие церковную и монастырскую братию. Судя по дальнейшему тексту грамоты Ионы («Не вемя убо, како вас нарицати священники, от кого имеете постановление и рукоположение, и духовное наказание, и поучение божественных и священных правил...?»⁵⁶), происхождение вятских священников ему было неизвестно. Е.Е. Голубинский считал, что вятская «вольная община имела у себя священников, которых получала и доставала из соседней Руси, но не состояла под властью никакого русского епископа..., где не было над ними никакого надзора и где они были совершенно сами по себе... Вместе со священниками законными приходили сюда из России священники запрещенные и даже священники — самозванцы»⁵⁷. П.Н. Луппов уточняет предыдущее высказывание: «...сюда стремились по преимуществу такие священники, которым очень плохо жилось у себя на родине, т.е. сельские, которые в отношении образования стояли значительно ниже городского духовенства»⁵⁸. А.С. Верещагин также пытается выяснить происхождение вятских иереев и предлагает три возможных истока: 1) из новгородских земель вместе с укшуйскими 1374 г. и их потомками, а также с беглецами; 2) «...с суздальско-нижегородскими князьями-изгоями»; 3) «...из священников галичских, при князе Юрии Дмитриевиче и его сыновьях». Очень важно предположение историка о возможном появлении вместе с укшуйниками преследуемых официальной церковью стригольников⁵⁹. Подтвердить последнюю версию очень сложно, однако, служебная практика вятских священников говорит о некоем инакомыслии, поскольку сопровождалась многочисленными нарушениями православных догматов (браки без венчания; с язычниками и отлученными от церкви, многоженство, нарушение монашеского пострига и др.). Огромную роль на складывание особенностей вятской церкви оказало славянское и финно-угорское язычество, с которым какой-либо борьбы в условиях изоляции от митрополии, не проводилось⁶⁰. Предположение о выборности вятских священников,

отвергнутое П. Н. Лупповым⁶¹, между тем еще не исчерпало себя, во всяком случае в историографии оно еще живо⁶² и требует, на мой взгляд, внимательного рассмотрения. Упомянутые Ионой игумены и монахи, свидетельствуют как будто о существовании на Вятке монастырей, однако какие-либо иные источники этот вывод не подтверждают. Не хотелось бы думать, что эти категории служителей церкви фигурируют в формуле грамоты просто как штамп.

Непривилегированная масса вятчан («всех православных христиан») в источниках не дифференцирована, но вне всякого сомнения, она представляла собой свободное общинное сельское и посадское население. Археологические раскопки характеризуют уровень развития сельского хозяйства на Вятке как достаточно высокий, вполне соответствующий уровню центральных земель Древней Руси. Выявлены остатки жилищ, хозяйственных и производственных построек вятских крестьян, исследовались и сельские кладбища. Аналогичные работы проводились и в городах, где также выявлены разнообразные сооружения посадского населения, в том числе следы ремесленных производств — металлургического, кузнечного, ювелирного, деревообрабатывающего, гончарного, косторезного, сапожного и других. Существует мнение о вече с участием феодальной знати (бояр, купцов, житейх), основанное на письменных источниках⁶³. Представляется, однако, что роль рядовых общинников в политической жизни республики была более весомой, особенно в наиболее острых, кризисных ситуациях (Осада их городов противниками, участие в боевых акциях и тому подобное). Активная военная деятельность вятчан предполагает существование определенной прослойки плененных, часть которых оседала в общинах на правах холопов. Не исключение наличие и категории кабальных людей, отрабатывающих свои долги феодалам⁶⁴.

В минуту военной опасности или в походах именно свободные рядовые вятчане составляли основу народного ополчения. И, надо отметить, вятские воины были одними из самых надежных и боеспособных в войсках галицких князей в годы феодальной войны второй четверти XV в., побеждая чаще всего не числом, а внезапностью, хитростью и изворотливостью (вспомним пленение ярославского князя А. Ф. Брюхатого и вогульского князя Асыки). Эти же качества проявились в 1471 г. во время беспрецедентного похода вятчан на Сарай. Высокие боевые достоинства вятских воинов сохраняются и после 1489 г., например, во время похода 1499 г. на Югру. Скорос-

тные качества вятских судов-ушкуев великолепно проявили себя в ходе покорения Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств и во время «черемисских войн»⁶⁵. Возглавляли отряды вятчан опытные военачальники, имена которых нам отчасти известны (Семен Жадовский, Михаил Рассохин, Дятел, Костя Юрьев и другие)⁶⁶. Особые группы воинов-профессионалов необходимы были и для обороны Вятской земли, местом их дислокации были крепости и детинцы в городах. Особенности вятских оборонительных укреплений автором предварительно уже изучались⁶⁷, сейчас же требуется комплексное исследование вопросов военного дела Вятской земли, в том числе выяснение роли военного сословия в структуре вятского общества. Таковы предварительные размышления о сословной структуре населения Вятской земли в домосковский период ее истории, размышления, требующие дальнейшего анализа известных и поиска новых источников.

1. Верещагин А.С. Откуда почерпнуты и насколько достоверны вообще показания «Вятского летописца» («Повести о стране Вятской»)? // КВГ на 1888 год. Вятка, 1887. С. 192-193; его же. Повесть о стране Вятской (Вятский летописец). // Тр. ВУАК 1906 г. Вятка, 1906. Вып. III. Отд. II. С. 62-63.

2. АИ. СПб., 1841. Т. 1. Л. 141-142, 490-492, 498-500.

3. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. 2. С. 8-16.

4. Тр. ВУАК 1906 года. Вятка, 1906. Вып. I-II. Отд. III. С. 31-38.

5. Послание митрополита Ионы Вятским воеводам и всем жителям... (писано ок. 1452 г.). // Там же. С. 31.

6. Послание митрополита Ионы Вятчанам с укорением за пороки и убеждением их к исправлению (около 1455 года). // Там же. С. 36.

7. Послание митрополита Ионы Вятскому духовенству об утверждении мирян в христианских обязанностях и повиновении великому князю (около 1452 года). // Там же. С. 33.

8. Древние акты... С. 13-16.

9. Спицын А.А. Древнейшая судьба Вятской области. // КВГ на 1890 год. Вятка, 1889. С. 131.

10. Спицын А.А. Местное и областное управление на Вятке до XVIII в. // КВГ на 1889 год. Вятка, 1888. С. 168.

11. Верещагин А.С. Хлынов старше или Хлыново? // ПККВГ на 1904 год. Вятка, 1903. Отд. II. С. 389.

12. Луппов П.Н. История города Вятки. Киров, 1959. С.70-71.
13. Эммаусский А.В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. С.6-8.
14. Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С.48.
15. Эммаусский А.В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова): Учеб. пособие. Киров, 1971. С.32.
16. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 19.
17. Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII-XV вв.: Учеб. пособие. М., 1984. С.69.
18. Документы по истории Удмуртии XV-XVII вв. Ижевск, 1958. С.54.
19. Кизилов Ю.А. Земли и народы... С.93.
20. Там же. С.68-69.
21. Макаров Л.Д. Формирование территории Вятской земли в XII-XVII вв.//Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 146-148; его же. Вятская земля в представлении средневековых картографов.//Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 178-180.
22. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С.522-524.
23. Низов В.В. Вятские наместники в первой половине XVI в.//Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 125-летию со дня рождения П.Н.Луппова). Тез. докл. Киров, 1992. Т.1. С.55.
24. Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.;Л., 1957. С.252-253.
25. Он же. Становление... С.522.
26. Верещатин А.С. Хлынов старше или Хлыново?.. С.389; его же. Рецензия на отзыв Д.К.Зеленина о посланиях митрополита Ионы.//Тр.ВУАК 1906 года. Вятка, 1906. Вып. I-II. Отд. III. С.39-49.
27. Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до начала XIX в./Изд. 2-е. Вятка, 1902. С.58-59.
28. Спицын А.А. Древнейшая судьба... С.130-131
29. Зеленин Д.К. К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятской край.//ПКСВГ на 1906 год. Вятка, 1906. Отд. II. С.65.
30. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II. Первая половина. С.495-497.
31. Зимин А.А. Витязь на распутье... С.207.

32. Верещетин А.С. Рецензия на отзыв... С.42; Голубинский Е.Е. История русской церкви... С.497.
33. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: средневековый Новгород: Учеб. пособие. М., 1977. С.222-229; его же. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С.212-214.
34. Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв.: Учеб. пособие. М., 1976. С.74
35. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С.156-158.
36. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства в Древней Руси. // Становление и развитие раннеклассовых обществ: (город и государство). Л., 1986. Ч.3. С.241.
37. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С.77-85.
38. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля... С.166-167.
39. Подвигина Н.Л. Очерки... С.74; Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина . С.213.
40. Троицкий И.М. Возникновение Новгородской республики. // Изв. АН СССР. 1932. VII сер. Отд. обществ. наук №5. С.369-370; Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. Л., 1980. С.24-29; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства... С.241, 245-246
41. Фроянов И.Я. Киевская Русь... С.81-85.
42. Повесть о стране Вятской (Вятский летописец). // Тр. ВУАК 1905 года. Вятка, 1905. Вып. III. Отд. II. С.33.
43. Макаров Л.Д. Формирование территории... С.141-146; его же. Литературные и летописные произведения Вятской земли XVI-XVIII вв. как исторический источник. // История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск, 1992. С.66-73.
44. Гуссаковский Л.П. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области. // ВУА. Свердловск, 1962. Вып. 2. С.118-121; Макаров Л.Д. Исследование средневековых памятников на Средней Вятке. // АО 1979. М., 1980. С.512; его же. Исследование древнерусских памятников на средней Вятке. // АО 1981. М., 1983. С.158.
45. Низов В.В. Вопросы социальной организации «Земли Вятской» в XIV-XV веках. / Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 500-летию вхождения в состав Российского государства). Тез. докл. Киров, 1989. С.19-20.
46. Кизилов Ю.А. Земли и народы России... С.93.
47. Макаров Л.Д. Об особенностях славяно-финских контактов в XII-XVI вв на

- территории Вятского края. // Историческое познание: традиции и новации: Тез. межд. теор. конф. Ижевск, 1993. Ч.1. С.33-34.
48. Спицын А.А. Местное и областное управление... С.168.
49. Гришкина М.В. Служилое замлевание арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII веков. // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.25, 35.
50. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т.1. С.7; Луппов П.Н. Христианство у вотяков... С.10.
51. ПСРЛ. Т.37. С.97.
52. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1968. С.29.
53. Носов Н.Е. Очерки по истории... С.185; ААЭ. СПб., 1836. Т.1. №223.
54. Вережанин А.С. Из истории древне-русской Вятки: Вопрос о первоначальном заселении Вятки русью. // ПКСВГ на 1905 год. Вятка, 1905. Отд. II. С.196-198.
55. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота... С.40-41, 128-134.
56. Послание митрополита Ионы Вятскому духовенству... С.33.
57. Голубинский Е.Е. История русской церкви... С.495.
58. Луппов П.Н. Христианство у вотяков... С.60.
59. Вережанин А.С. Рецензия на отзыв Д.К.Зеленина... С.44-45.
60. Макаров Л.Д. Взаимодействие язычества и христианства в Камско-Вятском междуречье в феодальную эпоху. // Археологическая культура и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С.133-134.
61. Луппов П.Н. Христианство у вотяков... С.59.
62. Кизилов Ю.А. Земли и народы России... С.93.
63. Эммаусский А.В. Вятская земля в период образования... С.8; Низов В.В. К вопросу о социальной организации... С.19-20.
64. Очерки истории Кировской области... С.48.
65. Захаров Д. Ушкуй-байдара средневековья. // По родному краю: Сборник краеведческих материалов. Киров, 1991. С.111.
66. ПСРЛ. СПб., 1897. Т. II. С.234; Т.6. С.193; Т.24. С.191; Т.23. С.149.
67. Макаров Л.Д. Оборонительные укрепления древнерусских городищ Вятской земли (XII-XVII вв.). // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докладов. М., 1987. С.155-156.